

М. А. Антонович

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ И ХАРАКТЕРИСТИКИ БЕЛИНСКОГО

(Воспоминания о Белинском Тургенева. "Вестник Европы", 1869, кн. 4)

Текст статьи воспроизведен по изданию: Антонович М.А. Избранные статьи. Философия. Критика. Полемика. - Л., 1938:

Белинский имеет такое важное значение в истории русской литературы, и мы все-таки так мало знаем о нем, что всякое новое сведение о нем составляет приятное приобретение для истории нашей литературы и заслугу со стороны сообщающего его. Понятно, поэтому, с каким нетерпением со стороны заинтересованных этим делом людей ожидалось давно и так торжественно предвозвещенное "Вестником Европы" появление воспоминаний г. Тургенева о Белинском. Любопытство еще более подстрекалось естественными в этом случае вопросами, как-то отнесется к Белинскому г. Тургенев после тех подвигов, которые он так усердно совершал для осмеяния, поругания и поражения того самого дела, которому так горячо служил Белинский, и почему г. Тургенев помещает свое произведение не в "Русском Вестнике", его излюбленном и дружественном органе, а в "Вестнике Европы",¹ обнаруживающем некоторое поползновение к либерализму. И вот, к общему удовольствию воспоминания г. Тургенева напечатаны; каждый может удовлетворять своему любопытству, сколько хочет, и решать все вопросы относительно их.

Главный персонаж в воспоминаниях г. Тургенева о Белинском -- не Белинский, а сам г. Тургенев; этот персонаж составляет главную цель, подкладку и средоточие воспоминаний, ему принадлежит большая часть комплиментов, рассыпанных по воспоминаниям искусною рукою, тогда как все укоризны и порицания обращены не на противников Белинского, а на людей, не взлюбленных главным персонажем. Впрочем, было бы совершенно противно истине сказать, что Белинскому отведено в них слишком мало места; напротив, в них очень довольно сведений о Белинском. Эти сведения большею частью, если не исключительно, касаются только внешних отношений Белинского, так сказать, его наружной жизни и деятельности, его внешней, а не внутренней характеристики; подобными сведениями отличались и любопытно их представляли воспоминания Панаева,² на которого г. Тургенев без всякого повода обрушил в разбираемых воспоминаниях такой приговор: "человек добродушный, но крайне легкомысленный и способный схватывать одни лишь верхи верхушек". До какой степени вообще был легкомыслен Панаев -- это другой вопрос. Но то несомненно, что воспоминания г. Тургенева о Белинском нисколько не выше и захватывают нисколько не глубже, чем воспоминания Панаева о той же личности. При чтении воспоминаний г. Тургенева кажется, как будто читаешь что-то уже давно знакомое и слышанное; в них даже является неизбежный г. Краевский в роли редактора и ценителя литературных произведений, в которой он так мастерски, и казалось окончательно, был изображен Панаевым. Однако г. Тургенев счел нужным вызвать в своих воспоминаниях следующее: "Не могу на этом месте не упомянуть кстати о мистификации, которой в то время неоднократно подвергался один издатель толстого журнала, столь же одаренный практическими талантами, сколь обиженный природою насчет эстетических способностей". Скажите, какая новость, и как заманчиво замаскирована! Но к чему? Или уж следовало говорить прямо, или совсем оставить в покое г. Краевского во уважение к его нынешнему положению во главе современной легкой литературы³ и к тому, что он, слившись ныне воедино с поэтом, г. Некрасовым, восполнил этим в себе недостаток "эстетических способностей". Вообще это воспоминание как будто нарочно для того и вызвано, чтобы довершить разительное сходство между воспоминаниями Панаева и г. Тургенева.

Таким образом вклад, внесенный г. Тургеневым в собрание материалов для биографии и характеристики Белинского, не меньше и не значительнее того вклада, какой в свое время был внесен Панаевым; воспоминания обоих этих литераторов имеют одинаковый калибр, один полет и одну высоту мировоззрения. С благодарностью к г. Тургеневу мы соберем здесь из его воспоминаний те черты и факты, которые мы нашли в них и которые интересны хоть в некотором отношении.

Вот прежде всего наружность Белинского:

"Это был человек среднего роста, на первый взгляд довольно некрасивый и даже нескладный, худощавый, со впалой грудью и понурой головой. Одна лопатка заметно выдавалась больше другой. Всякого, даже не медика, немедленно поражали в нем все главные признаки чахотки, весь так называемый *habitus* этой злой болезни. Притом же он постоянно кашлял. Лицо он имел небольшое, бледно-красноватое, нос неправильный, как бы приплюснутый, рот слегка искривленный, особенно когда раскрывался, маленькие частые зубы, густые белокурые волосы падали клоком на белый, прекрасный, хоть и низкий лоб. Я не видывал глаз более прелестных, чем у Белинского. Голубые, с золотыми искорками в глубине зрачков, эти глаза, в обычное время полужакрытые ресницами, расширялись и